

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.С. Смирнов

"В бегстве от антихриста"
общая характеристика современной
беспоповщины

Опубликовано:
Христианское чтение. 1903. № 6. С. 895-908.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

ВЪ БѢГСТВѢ ОТЪ АНТИХРИСТА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ БЕЗПОПОВЩИНЫ ¹⁾.

IV.

Вопросъ о бракѣ и его значеніе для безпоповщины.—Основная безпоповщинская доктрина о безусловномъ для всѣхъ дѣвствѣ.—Перерожденіе ея у едосѣвцевъ въ доктрину бракоборную.—Жизнь бракобора и едосѣвца-новожена.—Открытыя раздѣленія въ едосѣвствѣ изъ-за вопроса о бракѣ.—Новопоморство наноситъ смертельный ударъ едосѣвщинѣ, какъ представительницѣ безпоповщины, и само погибаетъ.—Другія попытки разрѣшить вопросъ о бракѣ, какъ доказательства веразрѣшимости его для безпоповщины: у полубрачныхъ, бѣгуновъ и иѣтовцевъ.

ЕСТЬ еще одинъ вопросъ, изъ-за котораго безпоповщина, опять все въ томъ же бѣгствѣ отъ антихриста, дробится на отдѣльныя «согласія» и такъ сказать «подсогласія» еще болѣе, чѣмъ изъ-за вопроса объ отношеніи ея послѣдователей къ существующимъ государственнымъ порядкамъ и къ жизни въ «мірской» общественной средѣ, и который въ концѣ концовъ, какъ и этотъ послѣдній, окончательно убиваетъ всю безпоповщину. Я разумѣю вопросъ о *бракѣ*, получающій въ безпоповщинѣ значеніе, какъ

нимъ документомъ (авг. 397 г.), значится подпись: „Victorianus episcopus plebis Mascilianensis“ (*Mansi*, III, 926AB). Это „Maseli“—„Mascili“—видимо одного корня съ Ἰσχυρὴ Scili [Читатель, совсѣмъ незнакомый съ семитскими языками, благоволитъ лишь замѣтить, что слово *мечеть*, *Moschee mosquee*, есть испорченное арабское *masgid(un)*, *маджид* (*мэджэд*) по произношенію въ Сиріи, *масгид*—въ Египтѣ, отъ глагола *sgd=sagada*, il s'inclina jusqu'à terre, il se prosterna devant, *просекунъсе*. И въ *ma-sgid* и въ *ma-seli*—*ma* есть префиксъ. *Masgid(un)*=*мѣсто, гдѣ кладутъ земные поклоны*, *Maseli*=*мѣсто, гдѣ растутъ виноградныя лозы*]. Съ другой стороны въ Tabula Peutingeriana на пути изъ Bulla Regia въ Thuburbo Minus въ 24 mil. pass. къ востоку отъ Bulla Regia отмѣчено: „Armascla fluvius“⁴. Кажется, Ar-mascla по смыслу аналогично евр. nahal—'eskôl' и можетъ быть недалеко отъ этой рѣки лежало и Scili Ἰσχυρὴ.

¹⁾ Окончаніе. См. май.

и всѣ другіе безпоповщинскіе вопросы, по основамъ религіознымъ, но вслѣдствіе своего жизненнаго значенія волнующій безпоповщинское море и шире и глубже. Въ безпоповщинѣ, какъ и мы уже видѣли, есть много всяческихъ раздѣленій и по основамъ, не имѣющимъ какого либо отношенія къ потребностямъ жизни. Но это дѣленія на партіи именно разномыслящихъ, дѣленія изъ-за вопросовъ религіознаго убѣжденія, характеръ которыхъ даже и при конкретности ихъ объектовъ всецѣло выступаетъ изъ предѣловъ жизненной сферы. Вопросъ о бракѣ, напротивъ, всецѣло относится къ этой послѣдней и свой центръ тяжести получаетъ именно среди ея условій. Прежде всего бракъ обуславливается физиологическою потребностью человѣка, вложенною въ его природу и ищущею своего здороваго удовлетворенія. Затѣмъ бракъ связанъ съ вопросами нравственности и подчиняется живущему въ человѣкѣ закону совѣсти, требующей въ этомъ случаѣ выхода достойнаго, чтобы человѣкъ не дошелъ до униженія «скоту несмысленному». Наконецъ бракъ есть условіе семьи, которая въ свою очередь есть первое условіе восполненія индивидуальной жизни человѣка. Поэтому, если вопросъ о бракѣ производитъ въ извѣстномъ обществѣ раздѣленія, то не отвлеченныя, а жизненныя, не въ мышленіи только, а и въ самомъ поведеніи людей, въ образѣ ихъ жизни на глазахъ у всѣхъ, нравственномъ или порочномъ, достойномъ или зазорномъ. Таковымъ именно и является этотъ вопросъ въ приложеніи къ безпоповщинѣ. Онъ и здѣсь всегда живъ и всегда себѣ равенъ, но безпоповщина испытываетъ въ немъ всѣ возможныя видоизмѣненія, чтобы умереть въ своемъ подлинномъ видѣ.

Вопросъ возникаетъ непосредственно вслѣдствіе того, что въ безпоповщинѣ нѣкому совершить *таинство брака*. Признавая, что бракъ для человѣчества необходимъ, безпоповцы, какъ представители до-никоновской старожитности и охранители старопечатныхъ до-никоновскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, вмѣстѣ съ тѣмъ признаютъ и то, что есть *таинство брака*, благословляющее его и освящающее. Христіанскій бракъ, и по ихъ вѣровацію, непременно благословляется отъ руки іерея, чрезъ повѣнчаніе въ церкви, и помимо этого условія супружество двухъ лицъ, съ христіанской точки зрѣнія, признается простымъ сожитіемъ, грѣховнымъ, духовными мѣрами строго наказуемымъ въ исключительныхъ единицахъ и немыслимымъ въ качествѣ общаго для всѣхъ образа жизни. Но какъ проповѣд-

ники доктрины о наступленіи времени антихриста, іерейство и все вообще священство истребившаго, какъ представители и носители господствующаго нынѣ, по ихъ понятіямъ, состоянія безсвященнословнаго, безпоповцы, конечно, должны признать, что бракъ, какъ таинство, въ ихъ общинѣ невозможенъ, по неизмѣннѣю благословляющей его руки. Строгіе безпоповцы, охранители своей доктрины безъ уступокъ, дѣйствительно это и утверждаютъ. Поэтому они требуютъ отъ всѣхъ членовъ своей общины житія *безбрачнаго*,—не въ смыслѣ отрицанія постоянного сожительства съ одною женщиною, а въ смыслѣ требованія дѣйствительнаго дѣвства, безусловнаго и безъ исключенія для всѣхъ обязательнаго. Такъ по изначальной, основной безпоповщинской доктринѣ. Нѣтъ брака подъ вѣщомъ, иначе—нѣтъ жены «законной»,—не должно быть и простой постоянной сожительницы, а тѣмъ болѣе немыслимо сожительство переменное. Разъ «отъять» бракъ законный, подаваемый благословеніемъ церковнымъ, святотатственно ставить на его мѣсто бракъ безъ благословенія. Принять нужно во вниманіе и то, что во дни антихриста, когда хранителю истинной вѣры предстоятъ только злостраданія, скорбь и печаль, думать объ удовольствіяхъ брака и радостяхъ семейныхъ и невозможно и грѣховно. Это значило бы идти наперекоръ и предустроенію и видимой дѣйствительности. «Видимъ, размышляетъ безпоповецъ, что нынѣ брака нѣтъ, и, сколько дано разумѣвать, убѣждаемся, что это для нашей же пользы». Благословенно только дѣвство, цѣломудріе, безусловное для всѣхъ и на всю жизнь...

Въ первомъ порывѣ бѣгства отъ антихриста безпоповцы, очевидно, забываютъ слова Писанія, что лишь «въ воскресеніи ни женятся, ни посягаютъ», т. е. въ жизни будущей, загробной, и что въ здѣшней, земной жизни, напротивъ, «не всѣ вмѣщаютъ» требованія не жениться. Но зато жизнь неизмѣнно напоминаетъ имъ объ этомъ забвеніи, показывая, что заповѣдь обязательнаго для всѣхъ дѣвства—иго неудобноносимое. Въ образѣ брака, какъ сожительства двухъ половъ, выступаетъ такая жизненная сила, бороться съ которой не въ состояніи, оказывается, и безпоповщинская доктрина. Въ то время, какъ послѣдняя отвлеченно приводитъ всѣ доводы въ защиту дѣвственнаго житія, на дѣлѣ безпоповщина не находитъ у себя этихъ подневольныхъ дѣвственниковъ и встрѣчаетъ только, какъ и вездѣ, дѣвственниковъ добровольныхъ. Одни брачатся съ обѣщаніемъ не разлучаться всю жизнь, другіе — неизмѣнно съ намѣреніемъ.

разойтись. Одни—съ молитвеннымъ благословеніемъ, другіе — безъ всякаго обряда молитвословія. Царятъ, кромѣ того, «тайныя паденія», и не меньше, чѣмъ тамъ, гдѣ никакой дѣвственной доктрины не знаютъ. Словомъ, виды уклоненія отъ дѣвства разнообразны, по дѣйствительныхъ дѣвственниковъ, кромѣ добровольныхъ, нѣтъ. Безпоповщина—въ полномъ, отъ этого, смятеніи,—и естественно дробится на всевозможныя «согласія».

Выступаютъ прежде всего строгіе безпоповцы, проповѣдники дѣвственной жизни. «Брака нѣтъ», говорятъ, живите дѣвственно». Въ доктринальномъ отношеніи, со стороны ученія эти проповѣдники имѣютъ подъ собою почву самую твердую. Они вѣрны безпоповщинскому ученію объ истребленіи таинства брака, какъ одному изъ пунктовъ основнаго безпоповщинскаго ученія о наступившемъ времени антихриста, и въ то же время крѣпко держатъ и этотъ обломокъ до-иконовскаго церковнаго строенія—что бракъ есть таинство, которое можетъ заключить только іерей, что внѣ таинства бываетъ только грѣховное сожитіе. Но шагъ въ жизнь — и безпоповщина летитъ въ пропасть, дѣвственная доктрина обращается въ пустое слово, въ такую заповѣдь, которую попираютъ всякимъ безцеремоннымъ способомъ. И вотъ, чтобы сохранить догму, безпоповщина, въ виду порочной жизни своихъ послѣдователей, дѣлаетъ маневръ сужденія, хульнаго по существу, но, повидимому, выводящаго ее изъ затруднительной коллизіи. «Истинная вѣра, говорятъ, въ томъ состоитъ, чтобы не признавать въ нынѣшнее антихристово время *браковъ*, плотскія же паденія—только грѣхи и изглаждаются раскаяніемъ». Не жениться, не выходить замужъ: вотъ это догматъ, отступленіе отъ этого есть ересь. Еретики въ раю не будутъ, поэтому нужно жить «безженно»; кто женился ранѣ вступленія въ безпоповщину—тотъ также долженъ разойтись съ женой. Если же кто падетъ внѣ этого безженнаго житія, помимо брака, то долженъ покаяться: на то и покаяніе — чтобы очищать грѣхи; въ раю много будетъ грѣшниковъ, если они покаются въ своихъ грѣхахъ. Такимъ образомъ брачующійся еретикъ, въ особенномъ смыслѣ еретичества по времени антихриста, тогда какъ безженный и при грѣховныхъ паденіяхъ только именно грѣшникъ, кающійся. Но безженный выше брачнаго и въ нравственномъ смыслѣ. Первый—только въ временныхъ, случайныхъ паденіяхъ, какъ бы ни были они часты; второй — падшій безвозвратно, въ паденіи непрерывномъ. Тотъ чувствуетъ угрызенія

совѣсти и постоянно раскаивается: этотъ даже не сознаетъ своего грѣха. Однимъ словомъ, безженный — еще въ бѣгствѣ отъ антихриста, хотя и спотыкается, можетъ быть и непредвидѣнно часто; жепатый хотъ и знаетъ, что подобаетъ бѣжать отъ антихриста—живетъ съ нимъ въ ладу.

Нѣтъ нужды останавливаться на объясненіи всѣхъ этихъ безпоповицнскихъ сужденій. Ясно и безъ того, что въ нихъ случаи разврата возводятся въ нравственно безслѣдный, чрезъ покаяніе, поступокъ и нравственная обязательность тѣлесной чистоты замѣняется возможностью нравственной распущенности. Представителями такой безпоповицны являются строгіе оедосѣвцы. Жизнь ихъ, при всей строгости ихъ «дѣвственной» доктрины, не только по истинѣ развратна, но и скотоподобна. Она развратна, потому что оедосѣвецъ считаетъ не случаи своего паденія, а случаи «покаянія». Это не мытарь, а истый фарисей. Она скотоподобна, потому что, не признавая брака, оедосѣвецъ не признаетъ и плотскаго родства въ своихъ развратныхъ похожденіяхъ. Вотъ куда заводитъ оедосѣвца его бѣгство отъ антихриста. И оедосѣвецъ все еще думаетъ, что онъ—въ бѣгствѣ къ вѣрѣ и спасенію! Но и этого мало. Самъ лишенный семьи, ея покоя и радостей, оедосѣвецъ, такъ сказать, выбрасываетъ на улицу и дѣтей, порожденныхъ его виѣбрачными связями. Отцы совсѣмъ не знаютъ ихъ, т. е. не хотятъ знать, не должны; но и при матеряхъ дѣтямъ нельзя оставаться, чтобы не служить публичнымъ обличеніемъ и укоромъ ихъ недѣвственной жизни. Вѣдь всякое дѣтороженіе ведетъ въ оедосѣвицнѣ къ наказанію родителей, и очень тяжелому, въ видѣ разныхъ эпитимій и даже отлученія отъ общества. Какъ истый фарисей, гордый своею показною праведностію, оедосѣвецъ судить и караетъ не за самое любодѣяніе, а за неумѣніе скрыть его. Матери скрыть фактъ труднѣе, а потому и наказывается преимущественно она. Чтобы избыть это наказаніе, дѣтей отдають на воспитаніе нищимъ, въ видѣ сиротъ. Мать забываетъ свое «рожденіе», постепенно притупляетъ и самый инстинктъ материнства; дѣти не помнятъ матери, не видятъ ея ласкъ, лишены ея воспитывающаго вліянія. Но и это еще не все, потому что мы еще не посвящены въ ужасныя тайны оедосѣвскаго дѣтоубійства. А вѣдь и это—безспорные факты. Запуганные сѣтями антихриста и угрозами общественнаго церковнаго отлученія, матери-оедосѣвкн часто рѣшаются и на всякіе способы дѣтоубійства. И всего ужаснѣе то, что эти

ужасныя жизненные драмы, противъ которыхъ протестуютъ и религиозное чувство, и чувство нравственное, и всяческое вообще человѣческое чувство и достоинство,—оедосѣвской доктриной бѣгства отъ антихриста оправдываются очень легко. «Пусть родятъ, да въ царство небесное пускаютъ!» — А какъ это въ царство небесное пустить? — «Пусть крестятъ, да утопять: младенецъ и будетъ мученикъ»...

Итакъ, подлинное имя исгаго оедосѣвца — «бракоборъ», его доктрина — «бракоборная». Подъ видомъ охраненія всеобщаго дѣвства, оедосѣвство изгоняетъ только бракъ, разумѣя подъ нимъ всякое вообще постоянное сожительство, съ повѣнчаніемъ ли въ православной церкви, или только съ брачными обрядами въ самой оедосѣвщинѣ. Съ фізіологическими требованіями человѣческой природы оно пошло на компромиссъ, пусть и противный нравственному чувству, но зато оставляющій мѣсто религиозной догмѣ оедосѣвства. Отсюда и строгое оедосѣвство не остается безъ послѣдователей. Но на послѣднихъ ступеняхъ этого оедосѣвскаго пути уже начинается внутренній поворотъ. Возникаетъ нравственный протестъ изъ пѣдрь самого оедосѣвства, причемъ этотъ противоборствующій нравственной распущенности элементъ находитъ себѣ опору еще въ исканіи жены-помощницы, дѣтей, вообще семьи. «Ежедневное наше въ свѣтѣ обращеніе показываетъ, что безъ взаимной помощи жизнь человѣка и трудна и скучна. Взаимной же помощи только отъ вѣрнѣйшаго надѣяться можно. Кто же вѣрнѣе жены служить и о благополучіи нашемъ стараться можетъ? Правда, отецъ, мать и близкіе родственники по случаю иногда наше благополучіе соблюдаютъ; однако, общество, не имѣющее браковъ, откуда средство такое имѣть будетъ? Совершенно не откуда. Ибо гдѣ нѣтъ супружества, тамъ нѣтъ отца и матери». И вотъ «брачное» сожительство является и въ оедосѣвствѣ. Ему уступаетъ даже Москва, съ ея Преображенскимъ кладбищемъ, этотъ центръ оедосѣвства вообще и ярый представитель оедосѣвства бракоборнаго. Но мирясь съ жизненнымъ фактомъ, т. е. не имѣя силъ совсѣмъ изгнать эти сожительства, бракоборное оедосѣвство, однакоже, обставляетъ ихъ такими ограниченіями, что въ смыслѣ возможнаго въ оедосѣвствѣ «брака» сводитъ къ нулю. Это — не бракъ, а «новоженство», не мужъ и жена, а «новожены», по подобію «староженовъ», приходящихъ въ оедосѣвство изъ православія и здѣсь разводимыхъ на разnodомовное или вообще на «чистое»,

безженное житіе. Это — разв. Затѣмъ, обрядъ «новоженства» исключаетъ молитвенныя благословенія, такъ что даже и родители не могутъ благословить на такія брачныя сопряженія. Наконецъ, еодосѣвскій повоженъ не допускается на общее моленіе, въ случаѣ чадородія несетъ эпитимію, на исповѣдь допускается только въ тяжкой болѣзни и лишь подь условіемъ обѣта не жить болѣе съ женою: кромѣ этой исповѣди, для еодосѣвца нѣтъ другой надежды на спасеніе. Ясное дѣло, что строгое еодосѣвство смотритъ на повоженство, какъ на состояніе грѣховное, въ худшемъ смыслѣ, какой свойствененъ антихристову времени, и наказываетъ повоженовъ гораздо строже, чѣмъ «тайныхъ» блудниковъ, грѣшницихъ виѣ «новоженскихъ» сопряженій.—строже именно за ихъ *открытое* нарушеніе заповѣди о безженствѣ. И нужно знать, какиихъ терзаній исполнена домашняя жизнь повожена. Подь давленіемъ сознанія, что повоженская жизнь есть жизнь безвыходной грѣховности,—мысль о женѣ-помощницѣ и о дѣтяхъ, какъ естественной семейной радости, такъ сказать, совсѣмъ испаряется. «На жену повоженъ смотреть, какъ на враждебницу и губительницу его спасенія, на дѣтей, какъ на оковы, держація его при гибельномъ, по его понятію, бракѣ. Разорвать сожителство нѣтъ силы, продолжать—оставаться во грѣхѣ». Въ свою очередь и дѣти не могутъ относиться къ своимъ родителямъ съ указаннымъ въ заповѣди: «чти отца и матеръ»: они должны смотрѣть на нихъ, и дѣйствительно привыкають смотрѣть съ самаго раняго возраста, какъ на публичныхъ блудниковъ; о добромъ нравственномъ вліяніи родителей на дѣтей при такомъ положеніи дѣтъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Вотъ что значить еодосѣвское повоженство, какъ ослабленіе «немоцнымъ». И однако другого выхода для бракоборства нѣтъ. Правда, въ нѣкоторыхъ еодосѣвскихъ общинахъ дѣло обставляется, на взглядъ, болѣе благовидно: но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что эта благовидная обстановка не имѣетъ подь собою никакой почвы. Такъ, въ Ригѣ у еодосѣвцевъ существуетъ обычай сводить браки въ молельнѣ, при посредствѣ наставниковъ, съ нѣніемъ избранныхъ изъ чина вѣнчанія псалмовъ, чтеніемъ апостола и евангелія; наставникъ благословляетъ брачныхъ, говоря: «Богъ благословить», а по окончаніи церемоніи читаетъ изъ Требника поученіе, гдѣ сказано: «оженился, не согрѣшилъ еси». Но этотъ обычай справедливо обличають другіе еодосѣвцы, замѣчая, что нельзя благословлять на дѣло грѣ-

ховное. И въ самомъ дѣлѣ, какъ такъ «не согрѣшаетъ оженившійся», если «пынѣ браковъ нѣтъ»? Поэтому московскіе оедосѣвцы принимаютъ рижскихъ не иначе, какъ чрезъ исполненіе шестинедѣльнаго поста, причемъ мужа и жену—съ обѣщаніемъ разойтись, если не сразу, то впоследствии.

Итакъ, выстуная на борьбу съ антихристомъ первоначально въ видѣ доктрины о всеобщемъ дѣвствѣ, безпоповщина въ дальнѣйшемъ своемъ бѣгствѣ отъ сына погибели обнаруживается уже въ образѣ бракоборнаго оедосѣвства, причемъ мысль о всеобщемъ дѣвствѣ здѣсь замѣняется совѣмъ противодѣвственными сужденіями о возможности грѣховныхъ паденій, лишь бы не безъ покаянія въ нихъ. Но въ оедосѣвскомъ новоженствѣ совершается фактическій поворотъ къ правственной сторонѣ брачныхъ сопряженій, а въ новоженствѣ рижскомъ—и къ сторонѣ религіозной. Всѣ эти видоизмѣненія показываютъ, что въ подлинномъ своемъ видѣ безпоповщина не приложима къ жизни, и въ то же время съ точки зрѣнія ея основной доктрины они сами несостоятельны. Затѣмъ, кромѣ рижскихъ оедосѣвцевъ, есть еще оедосѣвцы такъ называемые «польскіе», живущіе въ губерніяхъ ковенской, сувалкской и виленской: ихъ московскіе принимаютъ въ свое общество также чрезъ исполненіе шестинедѣльнаго поста,—за то, что тѣ допускаютъ новоженцовъ на исповѣдь и рапѣ «болѣзни къ смерти», да и вообще относятся къ нимъ снисходительно. Петербургскіе оедосѣвцы также отдѣляются отъ московскихъ, но и изъ среды самихъ петербургскихъ выдѣляется болѣе строгое согласіе «аристовыхъ». И здѣсь поводомъ къ тому служатъ различія въ отношеніяхъ къ лицамъ, вступающимъ въ брачныя сопряженія. Однимъ словомъ, изъ-за вопроса о бракѣ оедосѣвщина раздѣляется на нѣсколько согласій. Но оедосѣвщина, въ своемъ цѣломъ, представляетъ только еще одинъ изъ видовъ рѣшенія этого вопроса въ безпоповщинѣ.

Другой видъ рѣшенія вопроса о бракѣ находимъ въ согласіи такъ называемыхъ пріемлющихъ браки безпоповцевъ, по иному наименованію—у новопоморцевъ. Въ данномъ случаѣ новопоморцы представляютъ возможно крайнюю противоположность оедосѣвцамъ. Если въ коренной оедосѣвщинѣ обнаруживается несостоятельность безпоповщины со стороны правственной и вообще жизненной, то новопоморцы ниспровергаютъ самую доктрину безпоповщины. Тамъ, въ оедосѣвщинѣ, выходятъ изъ совершенно правильного положенія, что хри-

стіанскій бракъ есть таинство, и затѣмъ послѣдовательно доказываютъ, что по причинѣ истребленія антихристомъ священства нынѣ брака нѣтъ, причемъ, однако же, вопреки теоріи, жизнь обнаруживается, что бракъ необходимъ и значить будетъ существовать до кончины міра, такъ что люди въ силахъ развѣ только исказить истинный обликъ христіанскаго брака. Здѣсь, въ новопоморствѣ, выходятъ также изъ совершенно правильнаго положенія, что бракъ пребудетъ въ родѣ человѣческомъ до скончанія міра, и затѣмъ послѣдовательно выводятъ, что, значить, и въ настоящее время бракъ вполне возможенъ, но въ этой послѣдовательности измѣняютъ, однако же, безпоповщинской доктринѣ, что брака заключить некому, а вслѣдъ затѣмъ измѣняютъ и самое понятіе о бракѣ, какъ таинствѣ, именно со стороны вопроса о совершителѣ его. Вообще, въ едосѣвствѣ и новопоморствѣ сталкиваются двѣ колоссальныхъ размѣровъ силы, настолько противоположныхъ и въ этомъ смыслѣ настолько равнозначущихъ, что не могутъ существовать ни рядомъ одна съ другой, ни съ уступкой мѣста какой-либо одной. Отъ этого безпоповщина погибаетъ. Съ одной стороны выступаютъ за существованіе въ цѣлости и неповрежденности преданной «отъ отцовъ» вѣры, т. е. за цѣлость «малаго остатка вѣрныхъ»; съ другой — за право по человѣчески жить. Безпоповщинѣ, въ подлинномъ ея видѣ, мѣста не остается. Въ чемъ заключается слабая сторона едосѣвщины, это мы видѣли. Обратимся теперь къ положенію новопоморцевъ. «Мы, говорятъ они, приемлемъ бракъ за таинство, самимъ Богомъ установленное на вѣчныя времена къ созиданію быта семейнаго и строя государственнаго». Такъ, — по христіанскому, до никоновскому церковному воззрѣнію бракъ дѣйствительно есть таинство, святое и на вѣчныя времена установленное. Но что можетъ сказать безпоповщина, вѣрными послѣдователями которой признаютъ себя и новопоморцы, о настоящемъ времени, если она вѣруетъ, что нынѣ царствуетъ антихристъ и что истинное священство имъ истреблено? Что можетъ сказать безпоповщина о «нынѣшнихъ бракахъ», если, по ея ученію, истинныхъ совершителей брака нынѣ нѣтъ, если бракъ долженъ по неизбѣжности оставаться безъ благословенія отъ руки іерейской, — можетъ-ли сказать она словами Писанія, что и нынѣ «бракъ честенъ и ложе не скверно?» На это новопоморцы отвѣчаютъ, что бракъ дѣйствительно и нынѣ честенъ, святъ, и что, какъ таковой, достоинъ молитвеннаго благословенія. Правда,

рука іерейская, благословлявшая отъ вѣка бракъ, нынѣ разсыпалась, не существуетъ. Но пресвитерское вѣчаніе есть только «благодѣнное украшеніе, случайно устроенное»; поэтому его можно замѣнить вѣчаніемъ мірянина.—конечно по необходимости, но по необходимости же нынѣ и крещеніе, и исповѣдь, и всякое богослуженіе совершаютъ міряне. «Требовать въ нынѣшнее время пресвитерскаго вѣчанія, требовать этого благодѣнія, этого украшенія брака, — это значить не понимать времени, зимою на полѣ всемірномъ искать свѣжихъ цвѣтовъ». Существо брака составляетъ заповѣдь Господня «плодиться и множиться», вложенная въ природу человѣка, и конечно еще согласіе жениха и невесты. Поэтому дѣйствительникъ брака есть самъ Богъ, іерей же только свидѣтель, а вѣчаніе — только церемоніаль, обрядъ. Свидѣтелемъ быть и обрядъ совершить можетъ и мірянинъ, за немѣщимъ священника. Это вообще — «бракъ безсвященнословный», приличный общему безсвященнословному состоянію безноповщины. Бракъ вѣченъ, значить возможенъ и нынѣ; бракъ святъ, значить достоинъ молитвеннаго на себя призванія и нынѣ. Вы видите, что здѣсь заключается противорѣчіе основной безноповщинской доктринѣ о бракѣ, что нынѣ «браковъ нѣтъ» и что существующіе «нынѣшніе браки» — блудъ и хуже блуда. Видите также, что здѣсь измѣнено самое понятіе о существѣ брака, и совершителяхъ его, которое характеризуется съ точки зрѣнія естественнаго брака, какъ сожитія двухъ половъ въ цѣляхъ размноженія рода человѣческаго, а не брака какъ таинства. Вышнимъ доказательствомъ неправильности «безсвященнословныхъ браковъ» для ихъ противниковъ служить отсутствіе примѣровъ совершенія таковыхъ въ древности, изъ многовѣковой исторіи которой брачницы не могутъ указать дѣйствительно ни одного такого примѣра или «святоподобія», какъ выражаются сами безноповцы. Такимъ образомъ въ повонормскомъ бѣгствѣ отъ антихриста безноповщина совсѣмъ искажаетъ свою доктрину, теряя вмѣстѣ съ тѣмъ даже и то, что въ видѣ малаго остатка доселѣ еще сохранялось въ ней отъ дѣйствительнаго до-инкоповскаго церковнаго ученія. Но бесспорно повонормство выигрываетъ въ жизни и нравственности, и отсюда безноповцы сочувствуютъ ему больше, чѣмъ оедосѣвству.

Если несостоятельны оедосѣвство и повонормство и изъ ихъ борьбы обнаруживается несостоятельность самаго безно-

повищинскаго принципа, то то же самое обнаруживается и изъ другихъ попытокъ разрѣшенія вопроса о бракѣ, какія даны въ остальныхъ безпоповщинскихъ «согласіяхъ». Попытки эти разнообразны и въ этомъ разнообразіи показываютъ еще явнѣе, что данный вопросъ для безпоповщины совсѣмъ неразрѣшимъ и что въ немъ безпоповщина вообще самоуничтожается. Существуютъ, наиримѣръ, такъ называемые «полубрачные даниловцы». Сознвая крайности едосѣвства и новопоморства, эти старопоморцы остановились на половинѣ пути. Ученіе о безбрачій они не отрицаютъ, но поженившихся не наказываютъ; они лишь даютъ всѣмъ совѣтъ проводить безбрачное житіе; если же кто не исполнитъ этого совѣта и вступить въ бракъ, тотъ, говорятъ, самъ за себя будетъ отвѣчать—и не предъ обществомъ, а только предъ Богомъ. Это значить: ни да, ни нѣтъ. Но въ дѣлѣ вѣры такая двойственность не уместна. Какова вѣра, такова должна быть и жизнь. Если правильно ученіе о безбрачій, то нельзя не карать за нарушеніе безбрачія, и, конечно, наоборотъ. Поэтому другіе безпоповцы говорятъ, что хотя Богъ, какъ всѣ вѣруютъ, есть судія всѣхъ и за все; но это совсѣмъ не въ порядкѣ христіанской жизни, чтобы коренныхъ нарушителей ся порядка отдавать только на судъ Божій; ихъ нужно вразумлять и исправлять и самому христіанскому обществу. Сразу, значить, для безпоповщины видно, что «полубрачные» находятся въ положеніи безвыходномъ и если избрали его, то очевидно только потому, что и всѣ другіе «выходы»—такого же свойства. И какая, повидимому, странная метаморфоза. Старопоморство, вообще говоря, менѣе послѣдовательное въ проведеніи безпоповщинской доктрины, въ данномъ случаѣ пытается еще удержать послѣднюю: между тѣмъ бѣгунство, въ извѣстномъ смыслѣ крайній выводъ изъ безпоповщинскихъ началъ, успѣло выдѣлить принципиальныхъ брачниковъ, которые брачатся даже при нѣнн молебна. Бѣгуны, по идеѣ иноки, ведутъ, оказывается, семейную жизнь и въ свое согласіе даже прочихъ бѣгуновъ принимаютъ не иначе, какъ чрезъ перекрепчиваніе. Гдѣ же основная заповѣдь бѣгунства—не имѣть ни дома, ни жены, ни чадъ! Какъ идти имъ въ пустыню странствовать съ своими малолѣтними дѣтьми! Вотъ и бѣгунство, имѣющее и безъ того въ своемъ бѣгствѣ отъ антихриста такъ много причинъ къ внутреннему распаденію, распадается еще разъ и изъ-за вопроса о бракѣ. Такое же, конечно въ своемъ родѣ, поразительное явленіе представляетъ нѣтовщина. Тутъ

поразительно не то, что иѣтовецъ обзаводится семьей; обѣта страшника онъ не даетъ, хотя и долженъ бы былъ давать. Въ иѣтовцѣ особенно изумляетъ попытка найти молитвенное благословеніе своему брачному сопряженію. Вѣдь иѣтовецъ отрицаетъ всякое дѣйствіе благодати на землѣ! Очевидно, супружеское сожитіе безъ молитвы претитъ безпоповцу. Но тѣмъ трагичнѣе положеніе иѣтовца, что онъ не можетъ найти себѣ удовлетворенія. Глухая иѣтовщица обращается за совершеніемъ брака въ православную церковь. Очевидно, она не можетъ помириться съ вѣнчаніемъ новономорскаго наставника. Но отдать себя подъ «благословеніе» антихристовой слуги, какимъ считаетъ иѣтовецъ православнаго священника, — развѣ въ этомъ цѣль безпоповщинскаго бѣгства отъ антихриста! И странно, что не усвоивъ благодатной силы самому акту вѣнчанія, иѣтовецъ всетаки надѣется, что Богъ, по иѣтовскимъ молитвамъ, вмѣнитъ его въ благословенное и святое. Зато самокрещенскій иѣтовецъ, также не рѣшающійся начать супружескую жизнь безъ молитвеннаго обряда, — чтобы не уподобиться «еретику» новономорцу, или иѣтовцу «глухому», этому послушнику антихриста, самъ себя «вѣнчаетъ», такъ прямо и произнося: «вѣнчаюсь азъ, рабъ Божій» и «вѣнчаюсь азъ, раба Божія». Конечно, въ до-иконовской церкви это иѣчто неслыханное, но теперь, въ бѣгствѣ отъ антихриста, очевидно, вполне возможное... Въ новоспасовомъ согласіи вѣнчаютъ наставники, — «попы», какъ ихъ тамъ зовутъ, совершенно вопреки иѣтовскому ученію, что мірянинъ вообще не можетъ дѣйствовать священная, и согласно лишь съ одними новономорцами, столь разрушающими всю безпоповщину, и нѣкоторыми имъ подобными.

V.

Первое посѣщеніе безпоповцемъ православнаго храма. — Пасхальная утреня. — Принятіе св. таинъ причастія.

Ложное положеніе, въ какомъ находится безпоповщина въ отношеніи своего ученія и требованій жизни, зависитъ отъ ложности самаго ея пути. Безпоповщинское «бѣгство отъ антихриста» есть величайшее заблужденіе. Не сомнѣваемся въ искренности вѣрованій безпоповцевъ и въ силѣ ихъ религіознаго чувства. Но тѣмъ болѣе не можемъ не скорбѣть о нихъ, что это вѣрованіе держится только на незнаніи нашей православной церкви. Безпоповецъ думаетъ, что въ православной

церкви царствуетъ антихристь. Но въ примѣрѣ лишь, обратившихся изъ безоповицны къ церкви, онъ легко можетъ видѣть путь къ разсѣянію этого предубѣжденія. Пусть безоповецъ идетъ по этимъ примѣрамъ въ православные храмы и пусть наблюдаетъ тамъ все съ безпристрастіемъ. Онъ съ раняго дѣтства живетъ въ понятіяхъ, что православный храмъ есть жилище антихриста, что въ немъ не прославляютъ Христа, а хулятъ, что нѣтъ въ немъ истинныхъ иконъ, нѣтъ святыхъ мощей. Но не то говорятъ тѣ безоповцы, которые сами видѣли эти храмы. «О, какъ глубоко я былъ тронутъ всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ»,—говоритъ одинъ бывший безоповецъ о первомъ своемъ посѣщеніи монастырскаго храма. «Я видѣлъ иконы благолѣпнаго ижема, не новыя только, но и древнія, видѣлъ горящія предъ ними восковыя свѣчи и лампады,—и вразумился, что тутъ мѣсто приношенія благопріятной службы истинному Богу, а не антихристу. Я слышалъ чтеніе и иѣніе псалмовъ, тропарей, кондаковъ, стихирь, каноновъ и прочихъ молитвословій, въ которыхъ выражается хвала и благодареніе Богу, прошенія о спасеніи, о прощеніи нашихъ грѣховъ; слышалъ чтеніе апостола, евангелія, прологовъ, поученій святыхъ отцовъ. Все это рѣшительно противорѣчило моимъ безоповицнскимъ понятіямъ и представленіямъ о православной церкви». Подобнымъ же образомъ описываетъ первое свое посѣщеніе православнаго храма другой бывший безоповецъ. «Началась божественная литургія,—я сего божественнаго служенія никогда отъ рожденія своего не слышалъ. Слышу, поютъ: Господи помилуй! Потомъ заиѣли: Отца, и Сына, и Святаго Духа, Троицу, единосущную и нераздѣльную. Тутъ меня точно морозомъ подернуло,—думаю, какое хуленіе и иоруганіе мы изрыгаемъ на церковь Христову, будто бы въ ней не Богу молятся, а діаволу, и Троицу Святую не почитаютъ. Потомъ слышу—священникъ возглашаетъ: благодать Господа нашего Исуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа, буди со всѣми вами. Потомъ—цѣвчіе заиѣли: достойно и праведно есть поклонятися Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Троицѣ единосущнѣй и нераздѣльнѣй. Вздохнулъ я изъ глубины сердца и сказалъ себѣ: о, великаго милосердія Божія къ грѣшникамъ, отъ нихъ же первый есмь азъ, не только житіемъ, но и хуленіями, иже иногда наноситъ на церковь Божию». Еще сильнѣе говорятъ третій бывший безоповецъ о первомъ своемъ присутствіи на православной пасхальной утрени, совершавшейся въ монастырѣ.

«Отгѣли полунощницу; раскрылись царскія врата, повсюду заблесталъ яркій свѣтъ горящихъ свѣчей: изъ алтаря послышалось стройное и благоговѣйное пѣніе священнослужителей: Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси. Тотъ же стихъ запѣлъ и хоръ иноковъ, стоявшихъ посреди церкви, и—открылось никогда невиданное мною торжественное шествіе по церкви и вокругъ церкви. Сердце мое наполнилось умилительнаго восторга и слезы невольно полились изъ моихъ глазъ». Началась торжественная пасхальная утренняя. «Я пристально вematривался во всѣ дѣйствія священнослужителей въ алтарѣ и внѣ алтаря, и чтобы лучше видѣть, поднялся на лавку. Что я переживалъ во время этой умилительной службы, того нельзя ни перомъ описать, ни словами передать. Могу только сказать, словами церковнаго стиха, что стоя въ храмѣ, я мнилъ стояти на небеси». Остается привести, наконецъ, примѣръ того, какое неизреченное чувство духовной радости и благодатнаго наслажденія испытываетъ бывший безпопонецъ, когда въ первый разъ приступаетъ къ таинству святаго причащенія. «Священникъ.—разсказываетъ свидѣтель,—перекрестившись, началъ: Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси во истину Христосъ Сыиъ Бога живаго. Слова эти такъ сильно тронули меня, напомнивъ мнѣ о наступившей уже минутѣ причащенія пречистыхъ таинъ Христовыхъ, что я едва собрался съ духомъ повторить ихъ. А когда, вѣдѣвъ за священникомъ, повторилъ слова: пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихже первый есмь азъ,—то неудержимо полились слезы изъ глазъ моихъ и я зарыдалъ на всю церковь, вспомнивъ свою жизнь въ расколѣ, свои омерзительныя дѣла, свои хуленія на церковь Божію и ея святаго тайны». Священникъ, и самъ растроганный, остановился и ждалъ, пока причастникъ успокоится нѣсколько. Послѣ принятія святыхъ таинъ, причастникъ самъ прочиталъ и благодарственные молитвы. «И все это время,—заканчиваетъ свидѣтель,—я чувствовалъ такую радость, какой никогда не испытывалъ во всю мою жизнь,—я былъ словно переродившійся человѣкъ». Скажетъ ли безпопонецъ, Кто далъ сему причастнику эту духовную радость? Никто, кромѣ Христа, Спасителя міра! У ногъ антихриста этого быть не могло...

П. Смирновъ.

ВЪ БѢГСТВѢ ОТЪ АНТИХРИСТА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ БЕЗПОПОВЩИНЫ ¹⁾.

IV.

Вопросъ о бракѣ и его значеніе для безпоповщины.—Основная безпоповщинская доктрина о безусловномъ для всѣхъ дѣвствѣ.—Перерожденіе ея у едосѣвцевъ въ доктрину бракоборную.—Жизнь бракобора и едосѣвца-новожена.—Открытыя раздѣленія въ едосѣвствѣ изъ-за вопроса о бракѣ.—Новопоморство наноситъ смертельный ударъ едосѣвщинѣ, какъ представительницѣ безпоповщины, и само погибаетъ.—Другія попытки разрѣшить вопросъ о бракѣ, какъ доказательства веразрѣшимости его для безпоповщины: у полубрачныхъ, бѣгуновъ и иѣтовцевъ.

ЕСТЬ еще одинъ вопросъ, изъ-за котораго безпоповщина, опять все въ томъ же бѣгствѣ отъ антихриста, дробится на отдѣльныя «согласія» и такъ сказать «подсогласія» еще болѣе, чѣмъ изъ-за вопроса объ отношеніи ея послѣдователей къ существующимъ государственнымъ порядкамъ и къ жизни въ «мірской» общественной средѣ, и который въ концѣ концовъ, какъ и этотъ послѣдній, окончательно убиваетъ всю безпоповщину. Я разумѣю вопросъ о *бракѣ*, получающій въ безпоповщинѣ значеніе, какъ

нимъ документомъ (авг. 397 г.), значится подпись: „Victorianus episcopus plebis Mascilianensis“ (*Mansi*, III, 926AB). Это „Maseli“—„Mascili“—видимо одного корня съ Ἰσχυρὴ Scili [Читатель, совсѣмъ незнакомый съ семитскими языками, благоволитъ лишь замѣтить, что слово *мечеть*, *Moschee mosquee*, есть испорченное арабское *masgid(un)*, *маджид* (*мэджэд*) по произношенію въ Сиріи, *масгид*—въ Египтѣ, отъ глагола *sgd=sagada*, il s'inclina jusqu'à terre, il se prosterna devant, *просекунъсе*. И въ *ma-sgid* и въ *ma-seli*--*ma* есть префиксъ. *Masgid(un)*=*мѣсто, гдѣ кладутъ земные поклоны*, *Maseli*=*мѣсто, гдѣ растутъ виноградныя лозы*]. Съ другой стороны въ Tabula Peutingeriana на пути изъ Bulla Regia въ Thuburbo Minus въ 24 mil. pass. къ востоку отъ Bulla Regia отмѣчено: „Armascla fl[uvius]“. Кажется, Ar-mascla по смыслу аналогично евр. nahal—'eskôl' и можетъ быть недалеко отъ этой рѣки лежало и Scili Ἰσχυρὴ.

¹⁾ Окончаніе. См. май.

и всѣ другіе безпоповщинскіе вопросы, по основамъ религіознымъ, но вслѣдствіе своего жизненнаго значенія волнующій безпоповщинское море и шире и глубже. Въ безпоповщинѣ, какъ и мы уже видѣли, есть много всяческихъ раздѣленій и по основамъ, не имѣющимъ какого либо отношенія къ потребностямъ жизни. Но это дѣленія на партіи именно разномыслящихъ, дѣленія изъ-за вопросовъ религіознаго убѣжденія, характеръ которыхъ даже и при конкретности ихъ объектовъ всецѣло выступаетъ изъ предѣловъ жизненной сферы. Вопросъ о бракѣ, напротивъ, всецѣло относится къ этой послѣдней и свой центръ тяжести получаетъ именно среди ея условій. Прежде всего бракъ обуславливается физиологическою потребностью человѣка, вложенною въ его природу и ищущею своего здороваго удовлетворенія. Затѣмъ бракъ связанъ съ вопросами нравственности и подчиняется живущему въ человѣкѣ закону совѣсти, требующей въ этомъ случаѣ выхода достойнаго, чтобы человѣкъ не дошелъ до униженія «скоту несмысленному». Наконецъ бракъ есть условіе семьи, которая въ свою очередь есть первое условіе восполненія индивидуальной жизни человѣка. Поэтому, если вопросъ о бракѣ производитъ въ извѣстномъ обществѣ раздѣленія, то не отвлеченныя, а жизненныя, не въ мышленіи только, а и въ самомъ поведеніи людей, въ образѣ ихъ жизни на глазахъ у всѣхъ, нравственномъ или порочномъ, достойномъ или зазорномъ. Таковымъ именно и является этотъ вопросъ въ приложеніи къ безпоповщинѣ. Онъ и здѣсь всегда живъ и всегда себѣ равенъ, но безпоповщина испытываетъ въ немъ всѣ возможныя видоизмѣненія, чтобы умереть въ своемъ подлинномъ видѣ.

Вопросъ возникаетъ непосредственно вслѣдствіе того, что въ безпоповщинѣ нѣкому совершить *таинство брака*. Признавая, что бракъ для человѣчества необходимъ, безпоповцы, какъ представители до-никоновской старожитности и охранители старопечатныхъ до-никоновскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, вмѣстѣ съ тѣмъ признаютъ и то, что есть *таинство брака*, благословляющее его и освящающее. Христіанскій бракъ, и по ихъ вѣровацію, непременно благословляется отъ руки іерея, чрезъ повѣнчаніе въ церкви, и помимо этого условія супружество двухъ лицъ, съ христіанской точки зрѣнія, признается простымъ сожитіемъ, грѣховнымъ, духовными мѣрами строго наказуемымъ въ исключительныхъ единицахъ и немислимымъ въ качествѣ общаго для всѣхъ образа жизни. Но какъ проповѣд-

ники доктрины о наступленіи времени антихриста, іерейство и все вообще священство истребившаго, какъ представители и носители господствующаго нынѣ, по ихъ понятіямъ, состоянія безсвященнословнаго, безпоповцы, конечно, должны признать, что бракъ, какъ таинство, въ ихъ общинѣ невозможенъ, по неизмѣннѣю благословляющей его руки. Строгіе безпоповцы, охранители своей доктрины безъ уступокъ, дѣйствительно это и утверждаютъ. Поэтому они требуютъ отъ всѣхъ членовъ своей общины житія *безбрачнаго*,—не въ смыслѣ отрицанія постоянного сожительства съ одною женщиною, а въ смыслѣ требованія дѣйствительнаго дѣвства, безусловнаго и безъ исключенія для всѣхъ обязательнаго. Такъ по изначальной, основной безпоповщинской доктринѣ. Нѣтъ брака подъ вѣщомъ, иначе—нѣтъ жены «законной»,—не должно быть и простой постоянной сожительницы, а тѣмъ болѣе немыслимо сожительство переменное. Разъ «отъять» бракъ законный, подаваемый благословеніемъ церковнымъ, святотатственно ставить на его мѣсто бракъ безъ благословенія. Принять нужно во вниманіе и то, что во дни антихриста, когда хранителю истинной вѣры предстоятъ только злостраданія, скорбь и печаль, думать объ удовольствіяхъ брака и радостяхъ семейныхъ и невозможно и грѣховно. Это значило бы идти наперекоръ и предустроенію и видимой дѣйствительности. «Видимъ, размышляетъ безпоповецъ, что нынѣ брака нѣтъ, и, сколько дано разумѣвать, убѣждаемся, что это для нашей же пользы». Благословенно только дѣвство, цѣломудріе, безусловное для всѣхъ и на всю жизнь...

Въ первомъ порывѣ бѣгства отъ антихриста безпоповцы, очевидно, забываютъ слова Писанія, что лишь «въ воскресеніи ни женятся, ни посягаютъ», т. е. въ жизни будущей, загробной, и что въ здѣшней, земной жизни, напротивъ, «не всѣ вмѣщаютъ» требованія не жениться. Но зато жизнь неизмѣнно напоминаетъ имъ объ этомъ забвеніи, показывая, что заповѣдь обязательнаго для всѣхъ дѣвства—иго неудобноносимое. Въ образѣ брака, какъ сожительства двухъ половъ, выступаетъ такая жизненная сила, бороться съ которой не въ состояніи, оказывается, и безпоповщинская доктрина. Въ то время, какъ послѣдняя отвлеченно приводитъ всѣ доводы въ защиту дѣвственнаго житія, на дѣлѣ безпоповщина не находитъ у себя этихъ подневольныхъ дѣвственниковъ и встрѣчаетъ только, какъ и вездѣ, дѣвственниковъ добровольныхъ. Одни брачуются съ обѣщаніемъ не разлучаться всю жизнь, другіе — неизмѣнно съ намѣреніемъ.

разойтись. Одни—съ молитвеннымъ благословеніемъ, другіе — безъ всякаго обряда молитвословія. Царятъ, кромѣ того, «тайныя паденія», и не меньше, чѣмъ тамъ, гдѣ никакой дѣвственной доктрины не знаютъ. Словомъ, виды уклоненія отъ дѣвства разнообразны, по дѣйствительныхъ дѣвственниковъ, кромѣ добровольныхъ, нѣтъ. Безпоповщина—въ полномъ, отъ этого, смятеніи,—и естественно дробится на всевозможныя «согласія».

Выступаютъ прежде всего строгіе безпоповцы, проповѣдники дѣвственной жизни. «Брака нѣтъ», говорятъ, живите дѣвственно». Въ доктринальномъ отношеніи, со стороны ученія эти проповѣдники имѣютъ подъ собою почву самую твердую. Они вѣрны безпоповщинскому ученію объ истребленіи таинства брака, какъ одному изъ пунктовъ основнаго безпоповщинскаго ученія о наступившемъ времени антихриста, и въ то же время крѣпко держатъ и этотъ обломокъ до-никоновскаго церковнаго строенія—что бракъ есть таинство, которое можетъ заключить только іерей, что внѣ таинства бываетъ только грѣховное сожитіе. Но шагъ въ жизнь — и безпоповщина летитъ въ пропасть, дѣвственная доктрина обращается въ пустое слово, въ такую заповѣдь, которую попираютъ всякимъ безцеремоннымъ способомъ. И вотъ, чтобы сохранить догму, безпоповщина, въ виду порочной жизни своихъ послѣдователей, дѣлаетъ маневръ сужденія, хульнаго по существу, но, повидимому, выводящаго ее изъ затруднительной коллизіи. «Истинная вѣра, говорятъ, въ томъ состоитъ, чтобы не признавать въ нынѣшнее антихристово время *браковъ*, плотскія же паденія—только грѣхи и изглаждаются раскаяніемъ». Не жениться, не выходить замужъ: вотъ это догматъ, отступленіе отъ этого есть ересь. Еретики въ раю не будутъ, поэтому нужно жить «безженно»; кто женился ранѣ вступленія въ безпоповщину—тотъ также долженъ разойтись съ женой. Если же кто падетъ внѣ этого безженнаго житія, помимо брака, то долженъ покаяться: на то и покаяніе — чтобы очищать грѣхи; въ раю много будетъ грѣшниковъ, если они покаются въ своихъ грѣхахъ. Такимъ образомъ брачующійся еретикъ, въ особенномъ смыслѣ еретичества по времени антихриста, тогда какъ безженный и при грѣховныхъ паденіяхъ только именно грѣшникъ, кающійся. Но безженный выше брачнаго и въ нравственномъ смыслѣ. Первый—только въ временныхъ, случайныхъ паденіяхъ, какъ бы ни были они часты; второй — падшій безвозвратно, въ паденіи непрерывномъ. Тотъ чувствуетъ угрызенія

совѣсти и постоянно раскаивается: этотъ даже не сознаетъ своего грѣха. Однимъ словомъ, безженный — еще въ бѣгствѣ отъ антихриста, хотя и спотыкается, можетъ быть и непредвидѣнно часто; жепатый хотъ и знаетъ, что подобаетъ бѣжать отъ антихриста—живетъ съ нимъ въ ладу.

Нѣтъ нужды останавливаться на объясненіи всѣхъ этихъ безпоповицнскихъ сужденій. Ясно и безъ того, что въ нихъ случаи разврата возводятся въ нравственно безслѣдный, чрезъ покаяніе, поступокъ и нравственная обязательность тѣлесной чистоты замѣняется возможностью нравственной распущенности. Представителями такой безпоповицны являются строгіе оедосѣвцы. Жизнь ихъ, при всей строгости ихъ «дѣвственной» доктрины, не только по истинѣ развратна, но и скотоподобна. Она развратна, потому что оедосѣвецъ считаетъ не случаи своего паденія, а случаи «покаянія». Это не мытарь, а истый фарисей. Она скотоподобна, потому что, не признавая брака, оедосѣвецъ не признаетъ и плотскаго родства въ своихъ развратныхъ похожденіяхъ. Вотъ куда заводитъ оедосѣвца его бѣгство отъ антихриста. И оедосѣвецъ все еще думаетъ, что онъ—въ бѣгствѣ къ вѣрѣ и спасенію! Но и этого мало. Самъ лишенный семьи, ея покоя и радостей, оедосѣвецъ, такъ сказать, выбрасываетъ на улицу и дѣтей, порожденныхъ его внѣбрачными связями. Отцы совсѣмъ не знаютъ ихъ, т. е. не хотятъ знать, не должны; но и при матеряхъ дѣтямъ нельзя оставаться, чтобы не служить публичнымъ обличеніемъ и укоромъ ихъ недѣвственной жизни. Вѣдь всякое дѣтороженіе ведетъ въ оедосѣвицнѣ къ наказанію родителей, и очень тяжелому, въ видѣ разныхъ эпитимій и даже отлученія отъ общества. Какъ истый фарисей, гордый своею показною праведностію, оедосѣвецъ судитъ и караетъ не за самое любодѣяніе, а за неумѣіе скрыть его. Матери скрыть фактъ труднѣе, а потому и наказывается преимущественно она. Чтобы избыть это наказаніе, дѣтей отдають на воспитаніе нищимъ, въ видѣ сиротъ. Мать забываетъ свое «роженіе», постепенно притупляетъ и самый инстинктъ материнства; дѣти не помнятъ матери, не видятъ ея ласкъ, лишены ея воспитывающаго вліянія. Но и это еще не все, потому что мы еще не посвящены въ ужасныя тайны оедосѣвскаго дѣтоубійства. А вѣдь и это—безспорные факты. Запуганные сѣтями антихриста и угрозами общественнаго церковнаго отлученія, матери-оедосѣвкн часто рѣшаются и на всякіе способы дѣтоубійства. И всего ужаснѣе то, что эти

ужасныя жизненные драмы, противъ которыхъ протестуютъ и религиозное чувство, и чувство нравственное, и всяческое вообще человѣческое чувство и достоинство,—оедосѣвской доктриной бѣгства отъ антихриста оправдываются очень легко. «Пусть родятъ, да въ царство небесное пускаютъ!» — А какъ это въ царство небесное пустить? — «Пусть крестятъ, да утопять: младенецъ и будетъ мученикъ»...

Итакъ, подлинное имя исгаго едосѣвца — «бракоборъ», его доктрина — «бракоборная». Подъ видомъ охраненія всеобщаго дѣвства, едосѣвство изгоняетъ только бракъ, разумѣя подъ нимъ всякое вообще постоянное сожительство, съ повѣнчаніемъ ли въ православной церкви, или только съ брачными обрядами въ самой едосѣвщинѣ. Съ фізіологическими требованіями человѣческой природы оно пошло на компромиссъ, пусть и противный нравственному чувству, но зато оставляющій мѣсто религиозной догмѣ едосѣвства. Отсюда и строгое едосѣвство не остается безъ послѣдователей. Но на послѣднихъ ступеняхъ этого едосѣвскаго пути уже начинается внутренній поворотъ. Возникаетъ нравственный протестъ изъ пѣдрь самого едосѣвства, причемъ этотъ противоборствующій нравственной раснущенности элементъ находитъ себѣ опору еще въ исканіи жены-помощницы, дѣтей, вообще семьи. «Ежедневное наше въ свѣтѣ обращеніе показываетъ, что безъ взаимной помощи жизнь человѣка и трудна и скучна. Взаимной же помощи только отъ вѣрнѣйшаго надѣяться можно. Кто же вѣрнѣе жены служить и о благополучіи нашемъ стараться можетъ? Правда, отецъ, мать и близкіе родственники по случаю иногда наше благополучіе соблюдаютъ; однако, общество, не имѣющее браковъ, откуда средство такое имѣть будетъ? Совершенно не откуда. Ибо гдѣ нѣтъ супружества, тамъ нѣтъ отца и матери». И вотъ «брачное» сожительство является и въ едосѣвствѣ. Ему уступаетъ даже Москва, съ ея Преображенскимъ кладбищемъ, этотъ центръ едосѣвства вообще и ярый представитель едосѣвства бракоборнаго. Но мирясь съ жизненнымъ фактомъ, т. е. не имѣя силъ совсѣмъ изгнать эти сожительства, бракоборное едосѣвство, однакоже, обставляетъ ихъ такими ограниченіями, что въ смыслѣ возможнаго въ едосѣвствѣ «брака» сводитъ къ нулю. Это — не бракъ, а «новоженство», не мужъ и жена, а «новожены», по подобію «староженовъ», приходящихъ въ едосѣвство изъ православія и здѣсь разводимыхъ на разnodомовное или вообще на «чистое»,

безженное житіе. Это — разъ. Затѣмъ, обрядъ «новоженства» исключаетъ молитвенныя благословенія, такъ что даже и родители не могутъ благословить на такія брачныя сопряженія. Наконецъ, еодосѣвскій повоженъ не допускается на общее моленіе, въ случаѣ чадородія несетъ эпитимію, на исповѣдь допускается только въ тяжкой болѣзни и лишь подъ условіемъ обѣта не жить болѣе съ женою: кромѣ этой исповѣди, для еодосѣвца нѣтъ другой надежды на спасеніе. Ясное дѣло, что строгое еодосѣвство смотритъ на новоженство, какъ на состояніе грѣховное, въ худшемъ смыслѣ, какой свойствененъ антихристову времени, и наказываетъ новоженцовъ гораздо строже, чѣмъ «тайныхъ» блудниковъ, грѣшницъ ииѣ «новоженскихъ» сопряженій.—строже именно за ихъ *открытое* нарушеніе заповѣди о безженствѣ. И нужно знать, какиxъ терзаній исполнена домашняя жизнь новожена. Подъ давленіемъ сознанія, что новоженская жизнь есть жизнь безвыходной грѣховности,—мысль о женѣ-помощницѣ и о дѣтяхъ, какъ естественной семейной радости, такъ сказать, совсѣмъ испаряется. «На жену новоженъ смотреть, какъ на враждебницу и губительницу его спасенія, на дѣтей, какъ на оковы, держація его при гибельномъ, по его понятію, бракѣ. Разорвать сожителство нѣтъ силы, продолжать—оставаться во грѣхѣ». Въ свою очередь и дѣти не могутъ относиться къ своимъ родителямъ съ указаннымъ въ заповѣди: «чти отца и мать»: они должны смотрѣть на нихъ, и дѣйствительно привыкаютъ смотрѣть съ самаго ранняго возраста, какъ на публичныхъ блудниковъ; о добромъ нравственномъ вліяніи родителей на дѣтей при такомъ положеніи дѣлъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Вотъ что значить еодосѣвское новоженство, какъ ослабленіе «немоцнымъ». И однако другого выхода для бракоборства нѣтъ. Правда, въ нѣкоторыхъ еодосѣвскихъ общинахъ дѣло обставляется, на взглядъ, болѣе благовидно: но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что эта благовидная обстановка не имѣетъ подъ собою никакой почвы. Такъ, въ Ригѣ у еодосѣвцевъ существуетъ обычай сводить браки въ молельнѣ, при посредствѣ наставниковъ, съ ивиеніемъ избранныхъ изъ чина вѣнчанія псалмовъ, чтеніемъ апостола и евангелія; наставникъ благословляетъ брачныхъ, говоря: «Богъ благословитъ», а по окончаніи церемоніи читаетъ изъ Требника поученіе, гдѣ сказано: «оженился, не согрѣшилъ еси». Но этотъ обычай справедливо обличаютъ другіе еодосѣвцы, замѣчая, что нельзя благословлять на дѣло грѣ-

ховное. И въ самомъ дѣлѣ, какъ такъ «не согрѣшаетъ оженившійся», если «пынѣ браковъ нѣтъ»? Поэтому московскіе оедосѣвцы принимаютъ рижскихъ не иначе, какъ чрезъ исполненіе шестинедѣльнаго поста, причемъ мужа и жену—съ обѣщаніемъ разойтись, если не сразу, то впоследствии.

Итакъ, выстуная на борьбу съ антихристомъ первоначально въ видѣ доктрины о всеобщемъ дѣвствѣ, безпоповщина въ дальнѣйшемъ своемъ бѣгствѣ отъ сына погибели обнаруживается уже въ образѣ бракоборнаго оедосѣвства, причемъ мысль о всеобщемъ дѣвствѣ здѣсь замѣняется совѣмъ противодѣвственными сужденіями о возможности грѣховныхъ паденій, лишь бы не безъ покаянія въ нихъ. Но въ оедосѣвскомъ новоженствѣ совершается фактическій поворотъ къ правственной сторонѣ брачныхъ сопряженій, а въ новоженствѣ рижскомъ—и къ сторонѣ религіозной. Всѣ эти видоизмѣненія показываютъ, что въ подлинномъ своемъ видѣ безпоповщина не приложима къ жизни, и въ то же время съ точки зрѣнія ея основной доктрины они сами несостоятельны. Затѣмъ, кромѣ рижскихъ оедосѣвцевъ, есть еще оедосѣвцы такъ называемые «польскіе», живущіе въ губерніяхъ ковенской, сувалкской и виленской: ихъ московскіе принимаютъ въ свое общество также чрезъ исполненіе шестинедѣльнаго поста,—за то, что тѣ допускаютъ новоженцовъ на исповѣдь и рапѣ «болѣзни къ смерти», да и вообще относятся къ нимъ снисходительно. Петербургскіе оедосѣвцы также отдѣляются отъ московскихъ, но и изъ среды самихъ петербургскихъ выдѣляется болѣе строгое согласіе «аристовыхъ». И здѣсь поводомъ къ тому служатъ различія въ отношеніяхъ къ лицамъ, вступающимъ въ брачныя сопряженія. Однимъ словомъ, изъ-за вопроса о бракѣ оедосѣвщина раздѣляется на нѣсколько согласій. Но оедосѣвщина, въ своемъ цѣломъ, представляетъ только еще одинъ изъ видовъ рѣшенія этого вопроса въ безпоповщинѣ.

Другой видъ рѣшенія вопроса о бракѣ находимъ въ согласіи такъ называемыхъ пріемлющихъ браки безпоповцевъ, по иному наименованію—у новопоморцевъ. Въ данномъ случаѣ новопоморцы представляютъ возможно крайнюю противоположность оедосѣвцамъ. Если въ коренной оедосѣвщинѣ обнаруживается несостоятельность безпоповщины со стороны правственной и вообще жизненной, то новопоморцы ниспровергаютъ самую доктрину безпоповщины. Тамъ, въ оедосѣвщинѣ, выходятъ изъ совершенно правильного положенія, что хри-

стіанскій бракъ есть таинство, и затѣмъ послѣдовательно доказываютъ, что по причинѣ истребленія антихристомъ священства нынѣ брака нѣтъ, причемъ, однако же, вопреки теоріи, жизнь обнаруживается, что бракъ необходимъ и значить будетъ существовать до кончины міра, такъ что люди въ силахъ развѣ только исказить истинный обликъ христіанскаго брака. Здѣсь, въ новопоморствѣ, выходятъ также изъ совершенно правильнаго положенія, что бракъ пребудетъ въ родѣ человѣческомъ до скончанія міра, и затѣмъ послѣдовательно выводятъ, что, значить, и въ настоящее время бракъ вполне возможенъ, но въ этой послѣдовательности измѣняютъ, однако же, безпоповщинской доктринѣ, что брака заключить некому, а вслѣдъ затѣмъ измѣняютъ и самое понятіе о бракѣ, какъ таинствѣ, именно со стороны вопроса о совершителѣ его. Вообще, въ едосѣвствѣ и новопоморствѣ сталкиваются двѣ колоссальныхъ размѣровъ силы, настолько противоположныхъ и въ этомъ смыслѣ настолько равнозначущихъ, что не могутъ существовать ни рядомъ одна съ другой, ни съ уступкой мѣста какой-либо одной. Отъ этого безпоповщина погибаетъ. Съ одной стороны выступаютъ за существованіе въ цѣлости и неповрежденности преданной «отъ отцовъ» вѣры, т. е. за цѣлость «малаго остатка вѣрныхъ»; съ другой — за право по человѣчески жить. Безпоповщинѣ, въ подлинномъ ея видѣ, мѣста не остается. Въ чемъ заключается слабая сторона едосѣвщины, это мы видѣли. Обратимся теперь къ положенію новопоморцевъ. «Мы, говорятъ они, приемлемъ бракъ за таинство, самимъ Богомъ установленное на вѣчныя времена къ созиданію быта семейнаго и строя государственнаго». Такъ, — по христіанскому, до никоновскому церковному воззрѣнію бракъ дѣйствительно есть таинство, святое и на вѣчныя времена установленное. Но что можетъ сказать безпоповщина, вѣрными послѣдователями которой признаютъ себя и новопоморцы, о настоящемъ времени, если она вѣруетъ, что нынѣ царствуетъ антихристъ и что истинное священство имъ истреблено? Что можетъ сказать безпоповщина о «нынѣшнихъ бракахъ», если, по ея ученію, истинныхъ совершителей брака нынѣ нѣтъ, если бракъ долженъ по неизбѣжности оставаться безъ благословенія отъ руки іерейской, — можетъ-ли сказать она словами Писанія, что и нынѣ «бракъ честенъ и ложе не скверно?» На это новопоморцы отвѣчаютъ, что бракъ дѣйствительно и нынѣ честенъ, святъ, и что, какъ таковой, достоинъ молитвеннаго благословенія. Правда,

рука іерейская, благословлявшая отъ вѣка бракъ, нынѣ разсыпалась, не существуетъ. Но пресвитерское вѣчаніе есть только «благодѣнное украшеніе, случайно устроенное»; поэтому его можно замѣнить вѣчаніемъ мірянина.—конечно по необходимости, но по необходимости же нынѣ и крещеніе, и исповѣдь, и всякое богослуженіе совершаютъ міряне. «Требовать въ нынѣшнее время пресвитерскаго вѣчанія, требовать этого благодѣнія, этого украшенія брака, — это значить не понимать времени, зимою на полѣ всемірномъ искать свѣжихъ цвѣтовъ». Существо брака составляетъ заповѣдь Господня «плодиться и множиться», вложенная въ природу человѣка, и конечно еще согласіе жениха и невесты. Поэтому дѣйствительникъ брака есть самъ Богъ, іерей же только свидѣтель, а вѣчаніе — только церемоніаль, обрядъ. Свидѣтелемъ быть и обрядъ совершить можетъ и мірянинъ, за немѣщимъ священника. Это вообще — «бракъ безсвященнословный», приличный общему безсвященнословному состоянію безноповщины. Бракъ вѣченъ, значить возможенъ и нынѣ; бракъ святъ, значить достоинъ молитвеннаго на себя призванія и нынѣ. Вы видите, что здѣсь заключается противорѣчіе основной безноповщинской доктринѣ о бракѣ, что нынѣ «браковъ нѣтъ» и что существующіе «нынѣшніе браки» — блудъ и хуже блуда. Видите также, что здѣсь измѣнено самое понятіе о существѣ брака, и совершителяхъ его, которое характеризуется съ точки зрѣнія естественнаго брака, какъ сожитія двухъ половъ въ цѣляхъ размноженія рода человѣческаго, а не брака какъ таинства. Вышнимъ доказательствомъ неправильности «безсвященнословныхъ браковъ» для ихъ противниковъ служить отсутствіе примѣровъ совершенія таковыхъ въ древности, изъ многовѣковой исторіи которой брачницы не могутъ указать дѣйствительно ни одного такого примѣра или «святоподобія», какъ выражаются сами безноповцы. Такимъ образомъ въ повонормскомъ бѣгствѣ отъ антихриста безноповщина совсѣмъ искажаетъ свою доктрину, теряя вмѣстѣ съ тѣмъ даже и то, что въ видѣ малаго остатка доселѣ еще сохранялось въ ней отъ дѣйствительнаго до-инкоповскаго церковнаго ученія. Но безспорно повонормство выигрываетъ въ жизни и нравственности, и отсюда безноповцы сочувствуютъ ему больше, чѣмъ оедосѣвству.

Если несостоятельны оедосѣвство и повонормство и изъ ихъ борьбы обнаруживается несостоятельность самаго безно-

повищинскаго принципа, то то же самое обнаруживается и изъ другихъ попытокъ разрѣшенія вопроса о бракѣ, какія даны въ остальныхъ безпоповщинскихъ «согласіяхъ». Попытки эти разнообразны и въ этомъ разнообразіи показываютъ еще явнѣе, что данный вопросъ для безпоповщины совсѣмъ неразрѣшимъ и что въ немъ безпоповщина вообще самоуничтожается. Существуютъ, наиримѣръ, такъ называемые «полубрачные даниловцы». Сознвая крайности едосѣвства и новопоморства, эти старопоморцы остановились на половинѣ пути. Ученіе о безбрачии они не отрицаютъ, но поженившихся не наказываютъ; они лишь даютъ всѣмъ совѣтъ проводить безбрачное житіе; если же кто не исполнитъ этого совѣта и вступить въ бракъ, тотъ, говорятъ, самъ за себя будетъ отвѣчать—и не предъ обществомъ, а только предъ Богомъ. Это значить: ни да, ни нѣтъ. Но въ дѣлѣ вѣры такая двойственность не уместна. Какова вѣра, такова должна быть и жизнь. Если правильно ученіе о безбрачии, то нельзя не карать за нарушеніе безбрачія, и, конечно, наоборотъ. Поэтому другіе безпоповцы говорятъ, что хотя Богъ, какъ всѣ вѣруютъ, есть судія всѣхъ и за все; но это совсѣмъ не въ порядкѣ христіанской жизни, чтобы коренныхъ нарушителей ся порядка отдавать только на судъ Божій; ихъ нужно вразумлять и исправлять и самому христіанскому обществу. Сразу, значить, для безпоповщины видно, что «полубрачные» находятся въ положеніи безвыходномъ и если избрали его, то очевидно только потому, что и всѣ другіе «выходы»—такого же свойства. И какая, повидимому, странная метаморфоза. Старопоморство, вообще говоря, менѣе послѣдовательное въ проведеніи безпоповщинской доктрины, въ данномъ случаѣ пытается еще удержать послѣднюю: между тѣмъ бѣгство, въ извѣстномъ смыслѣ крайній выводъ изъ безпоповщинскихъ началъ, успѣло выдѣлить принципиальныхъ брачниковъ, которые брачуются даже при нѣни молебна. Бѣгуны, по идеѣ иноки, ведутъ, оказывается, семейную жизнь и въ свое согласіе даже прочіихъ бѣгуновъ принимаютъ не иначе, какъ чрезъ перекрепчиваніе. Гдѣ же основная заповѣдь бѣгства—не имѣть ни дома, ни жены, ни чадъ! Какъ идти имъ въ пустыню странствовать съ своими малолѣтними дѣтьми! Вотъ и бѣгство, имѣющее и безъ того въ своемъ бѣгствѣ отъ антихриста такъ много причинъ къ внутреннему распаденію, распадается еще разъ и изъ-за вопроса о бракѣ. Такое же, конечно въ своемъ родѣ, поразительное явленіе представляетъ нѣтовщина. Тутъ

поразительно не то, что пѣтовецъ обзаводится семьей; обѣта страшника онъ не даетъ, хотя и долженъ бы былъ давать. Въ пѣтовцѣ особенно изумляетъ попытка найти молитвенное благословеніе своему брачному сопряженію. Вѣдь пѣтовецъ отрицаетъ всякое дѣйствіе благодати на землѣ! Очевидно, супружеское сожитіе безъ молитвы претитъ безпоповцу. Но тѣмъ трагичнѣе положеніе пѣтовца, что онъ не можетъ найти себѣ удовлетворенія. Глухая пѣтовщица обращается за совершеніемъ брака въ православную церковь. Очевидно, она не можетъ помириться съ вѣнчаніемъ новономорскаго наставника. Но отдать себя подъ «благословеніе» антихристовой слуги, какимъ считаетъ пѣтовецъ православнаго священника, — развѣ въ этомъ цѣль безпоповщинскаго бѣгства отъ антихриста! И страшно, что не усвоивъ благодатной силы самому акту вѣнчанія, пѣтовецъ всетаки надѣется, что Богъ, по пѣтовскимъ молитвамъ, вмѣнитъ его въ благословенное и святое. Зато самокрещенскій пѣтовецъ, также не рѣшающійся начать супружескую жизнь безъ молитвеннаго обряда, — чтобы не уподобиться «еретику» новономорцу, или пѣтовцу «глухому», этому послушнику антихриста, самъ себя «вѣнчаетъ», такъ прямо и произнося: «вѣнчаюсь азъ, рабъ Божій» и «вѣнчаюсь азъ, раба Божія». Конечно, въ до-иконовской церкви это пѣчто неслыханное, но теперь, въ бѣгствѣ отъ антихриста, очевидно, вполне возможное... Въ новоспасовомъ согласіи вѣнчаютъ наставники, — «попы», какъ ихъ тамъ зовутъ, совершенно вопреки пѣтовскому ученію, что мірянинъ вообще не можетъ дѣйствовать священная, и согласно лишь съ одними новономорцами, столь разрушающими всю безпоповщину, и нѣкоторыми имъ подобными.

V.

Первое посѣщеніе безпоповцемъ православнаго храма. — Пасхальная утреня. — Принятіе св. таинъ причастія.

Ложное положеніе, въ какомъ находится безпоповщина въ отношеніи своего ученія и требованій жизни, зависитъ отъ ложности самаго ея пути. Безпоповщинское «бѣгство отъ антихриста» есть величайшее заблужденіе. Не сомнѣваемся въ искренности вѣрованій безпоповцевъ и въ силѣ ихъ религіознаго чувства. Но тѣмъ болѣе не можемъ не скорбѣть о нихъ, что это вѣрованіе держится только на незнаніи нашей православной церкви. Безпоповецъ думаетъ, что въ православной

церкви царствуетъ антихристь. Но въ примѣрѣ лишь, обратившихся изъ безоповицны къ церкви, онъ легко можетъ видѣть путь къ разсѣянію этого предубѣжденія. Пусть безоповецъ идетъ по этимъ примѣрамъ въ православные храмы и пусть наблюдаетъ тамъ все съ безпристрастіемъ. Онъ съ раняго дѣтства живетъ въ понятіяхъ, что православный храмъ есть жилище антихриста, что въ немъ не прославляютъ Христа, а хулятъ, что нѣтъ въ немъ истинныхъ иконъ, нѣтъ святыхъ мощей. Но не то говорятъ тѣ безоповцы, которые сами видѣли эти храмы. «О, какъ глубоко я былъ тронутъ всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ»,—говоритъ одинъ бывший безоповецъ о первомъ своемъ посѣщеніи монастырскаго храма. «Я видѣлъ иконы благолѣпнаго ижема, не новыя только, но и древнія, видѣлъ горящія предъ ними восковыя свѣчи и лампады,—и вразумился, что тутъ мѣсто приношенія благопріятной службы истинному Богу, а не антихристу. Я слышалъ чтеніе и иѣніе псалмовъ, тропарей, кондаковъ, стихиръ, каноновъ и прочихъ молитвословій, въ которыхъ выражается хвала и благодареніе Богу, прошенія о спасеніи, о прощеніи нашихъ грѣховъ; слышалъ чтеніе апостола, евангелія, прологовъ, поученій святыхъ отцовъ. Все это рѣшительно противорѣчило моимъ безоповицнскимъ понятіямъ и представленіямъ о православной церкви». Подобнымъ же образомъ описываетъ первое свое посѣщеніе православнаго храма другой бывший безоповецъ. «Началась божественная литургія,—я сего божественнаго служенія никогда отъ рожденія своего не слышалъ. Слышу, поютъ: Господи помилуй! Потомъ заиѣли: Отца, и Сына, и Святаго Духа, Троицу, единосущную и нераздѣльную. Тутъ меня точно морозомъ подернуло,—думаю, какое хуленіе и иоруганіе мы изрыгаемъ на церковь Христову, будто бы въ ней не Богу молятся, а діаволу, и Троицу Святую не почитаютъ. Потомъ слышу—священникъ возглашаетъ: благодать Господа нашего Исуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа, буди со всѣми вами. Потомъ—цѣвчіе заиѣли: достойно и праведно есть поклоняться Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Троицѣ единосущнѣй и нераздѣльнѣй. Вздохнулъ я изъ глубины сердца и сказалъ себѣ: о, великаго милосердія Божія къ грѣшникамъ, отъ нихъ же первый есмь азъ, не только житіемъ, но и хуленіями, иже иногда наноситъ на церковь Божию». Еще сильнѣе говорятъ третій бывший безоповецъ о первомъ своемъ присутствіи на православной пасхальной утрени, совершавшейся въ монастырѣ.

«Отгѣли полунощницу; раскрылись царскія врата, повсюду заблесталъ яркій свѣтъ горящихъ свѣчей: изъ алтаря послышалось стройное и благоговѣйное пѣніе священнослужителей: Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси. Тотъ же стихъ запѣлъ и хоръ иноковъ, стоявшихъ посреди церкви, и—открылось никогда невиданное мною торжественное шествіе по церкви и вокругъ церкви. Сердце мое наполнилось умилительнаго восторга и слезы невольно полились изъ моихъ глазъ». Началась торжественная пасхальная утренняя. «Я пристально вematривался во всѣ дѣйствія священнослужителей въ алтарѣ и внѣ алтаря, и чтобы лучше видѣть, поднялся на лавку. Что я переживалъ во время этой умилительной службы, того нельзя ни перомъ описать, ни словами передать. Могу только сказать, словами церковнаго стиха, что стоя въ храмѣ, я мнилъ стояти на небеси». Остается привести, наконецъ, примѣръ того, какое неизреченное чувство духовной радости и благодатнаго наслажденія испытываетъ бывшій безпоновець, когда въ первый разъ приступаетъ къ таинству святаго причащенія. «Священникъ,—разсказываетъ свидѣтель,—перекрестившись, началъ: Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси во истину Христосъ Сыиъ Бога живаго. Слова эти такъ сильно тронули меня, напомнивъ мнѣ о наступившей уже минутѣ причащенія пречистыхъ таинъ Христовыхъ, что я едва собрался съ духомъ повторить ихъ. А когда, вѣдѣвъ за священникомъ, повторилъ слова: пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихже первый есмь азъ,—то неудержимо полились слезы изъ глазъ моихъ и я зарыдалъ на всю церковь, вспомнивъ свою жизнь въ расколѣ, свои омерзительныя дѣла, свои хуленія на церковь Божію и ея святаго тайны». Священникъ, и самъ растроганный, остановился и ждалъ, пока причастникъ успокоится нѣсколько. Послѣ принятія святыхъ таинъ, причастникъ самъ прочиталъ и благодарственные молитвы. «И все это время,—заканчиваетъ свидѣтель,—я чувствовалъ такую радость, какой никогда не испытывалъ во всю мою жизнь,—я былъ словно переродившійся человѣкъ». Скажетъ ли безпоновець, Кто далъ сему причастнику эту духовную радость? Никто, кромѣ Христа, Спасителя міра! У ногъ антихриста этого быть не могло...

П. Смирновъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки